

АЙЛИН ЛИН

АГЛАЯ АРВИК

СЕРДЦЕ ПОЛЕМАРХА 2

Айлин Лин
Аглая Арис. Сердце
полемарха – 2
Серия «Врачи спасут мир!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68877069

SelfPub; 2023

Аннотация

Вторая книга про врача-хирурга Аглаю Арис. Военный врач погибла на службе и волею неизвестных Высших сил попала в другой мир. Иная Древняя Греция оказалась не менее суровой и жестокой, чем была в земной истории. Тело, доставшееся нашей современнице, слабо, но новый дух силён и способен преодолеть все хитросплетения и удары судьбы. Врач по призванию и воин по сути – Аглая Арис получит сердце полемарха! В книге вы найдёте:– адекватная героиня- великолепный герой- выживание и обустройство в новом мире- магические существа- прогрессорство

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Айлин Лин

Аглая Арис. Сердце полемарха – 2

Глава 1

Дом, в котором мы теперь будем жить, располагался неподалёку от центральной площади. Он представлял собой классическую прямоугольную коробку с маленькими бойницами под самой крышей и единичными узкими окошками на уровне первого этажа.

Дом был менее ухожен, чем тот, что нам предоставил стратег Перикл в Афинах, но места в нём точно хватит на всех.

– Мне нужно к наварху (*прим. автора: одна из высших военных должностей Спарты; наварх командовал спартанским флотом и имел очень широкие полномочия, иногда даже выходявшие за пределы чисто военных*) Лисандру, – сказал мне Гер, отведя в сторонку, – располагайтесь в новом доме. Я вернусь, скорее всего, ближе к вечеру. Мне предстоит очень много работы. И первые шаги к укреплению эллинской власти на землях Греции.

– Я всё понимаю, – кивнула я. – Ужин будет готов к твоему

приходу, – пообещала я ему.

– Только постарайся не ввязаться снова в какую-нибудь авантюру, – улыбнулся мне будущий муж и поцеловал.

И снова дыхание сбилось, коленки задрожали, и я утонула в своих чувствах к Гераклу. Волна желания охватила моё тело и разум, разливаясь по каждой клеточке и устремляясь вниз, стягиваясь в тугой комок напряжения.

– В храм, завтра же, никаких две недели! – нашёл в себе силы оторваться от меня Алкей-Геракл и положил свой подбородок мне на макушку, – больше нет сил терпеть.

Его слова почему-то развеселили и я, не сдержавшись, хихикнула:

– Великий и бесстрашный герой, полубог Геракл не может потерпеть пару недель, пока мы здесь полностью не обустроимся? – прошептала я сипло, продолжая улыбаться в его грудь и вдыхать ставший таким родным аромат его кожи.

– Да, такой я весь внезапный! – а от этих слов я, уже не сдерживаясь, рассмеялась в полный голос и откинулась в кольцо его рук, чтобы посмотреть в любимые смеющиеся глаза.

– Что? – спросил он, улыбаясь кончиками губ.

– Ничего, – фыркнула я, но всё же ответила, – у нас так говорят женщины и о женщинах.

– Я эту фразу слышал от тебя, – кивнул он, – когда ты что-то решаешь поменять в операции, ты иногда рассуждаешь вслух и изредка восклицаешь "я такая внезапная!"

– Да? – удивилась я, – никогда за собой не замечала.

– И не надо замечать, – Гер наклонился ко мне и чмокнул в щёку. – Я пойду. Не скучай.

– Не обещаю, что не буду скучать, – ответила я, но он лишь покачал головой и выпустил меня из своих объятий. – Приготовлю сама тебе что-нибудь.

– А ты умеешь? – заинтересованно спросил он, поправляя брошь на правом плече, что держала его алую накидку полемарха на месте.

– Конечно, – возмутилась я. – Я не только хирург, я ещё и отменный кулинар! – патетично воскликнула я, устремив перст к голубому небу.

– И ещё ты стекловар, – добавил он, беря меня за руку и целую внутреннюю часть ладони. – Хорошего дня, Аглая Арис.

– Пока ещё не Арис, – лукаво улыбнулась я.

– Уже давно, – покачал он головой и, подмигнув мне на прощание, устремился на выход из центрального холла.

Я осталась на месте и просто смотрела ему вслед.

– Госпожа Аглая! – окликнула меня Пенелопа, появляясь из бокового коридора, – какие будут распоряжения?

– Начинайте уборку в тех помещениях, в которых будем сегодня ночевать, в первую очередь для женщин, – усмехнулась, – мы теперь в Спарте, мужчины, если что, потерпят временные неудобства.

– Хорошо, госпожа, – улыбнулась девушка.

– А где гиатрос Иринеос? – уточнила я, с момента заселения в дом прошло не более часа, а шебутного лекаря что-то не было слышно.

– Он отправился к своим родным, – получила я ответ, немного меня озадачивший.

– Он мне ничего не сказал, – покачала я головой.

– Не стал отвлекать вас от разговора с полемархом Алкеем, – улыбнулась Пенелопа. – Мой муж обещал вскорости вернуться, – добавила она, а я кивнула и отпустила её выполнять поставленные задачи.

– Пенелопа, – окликнула я её, – выдели мне пару помощников. Сегодня я буду готовить ужин.

По мелькнувшему в её глазах удивлению, поняла, что здесь так не принято, но, к чести девушки, она не стала мне что-либо говорить, а просто поклонилась и сказала:

– Майю и Асэ отправлю на кухню.

– Хорошо, – удовлетворённо кивнула я.

И только я шагнула на выход из общей залы, как из левого коридора, где находилась мужская половина, вышли мои помощники. Синхронный поклон пяти помощников и Леон, спросил:

– Госпожа гиатрос Аглая, какие будут поручения?

Мне хотелось бы, чтобы они обращались ко мне просто Аглая или гиатрос Аглая (без приставки "госпожа"), но Геракл был категорически против такого панибратства, обосновав сие полнейшим пренебрежением к правилам того об-

щества, в котором мне теперь жить.

– Тебя даже сами местные не поймут, – припечатал он напоследок и мне пришлось смириться.

Задумчиво обведя серые стены дома, вдруг подумала, что было бы неплохо обить их светлым деревом – должно получиться очень уютно и освежит это чуть мрачноватое помещение.

– Подберите две комнаты так, чтобы из одной сделать смотровую, из другой операционную, вы знаете, главное, чтобы они были на первом этаже с возможностью пробить проход, выходящий сразу же в перистиль.

– Хорошо, – кивнул Онез.

– И сходите на рынок, вы уже знаете, что нужно закупить в первую очередь.

И снова одновременный поклон. Парней я отпустила, дав им задания, а сама пошла на кухню. Она, скорее всего находилась на первом этаже в женской части дома.

Что же приготовить? Мне очень хотелось удивить Геракла.

В этом мире (как было в древнегреческой земной истории, я не знаю, ну вот не увлекалась я ей, мне больше нравились биология и анатомия), богатые греки ели четыре раза в день. Завтрак состоял из ячменного хлеба, пропитанного вином, иногда в хлеб добавляли фиги или оливки. Лёгкий второй завтрак проходил около полудня или сразу после. Обед, самый важный приём пищи в течение дня, обыч-

но проходил с наступлением сумерек. Иногда днём, ближе к вечеру проходил полдник, ещё один лёгкий приём пищи. Мужчины и женщины питались отдельно. Нищие же часто ели мальву, корни и кору некоторых деревьев, траву, люпин и кузнечиков, выдавленные остатки оливок. Афиняне, впрочем, как и другие эллины, выращивали на полях помимо ячменя и пшеницы, бобы, горох, чечевицу, капусту, морковь, лук и чеснок, артишоки, дыни и арбузы, репу, редис, огурцы, а также цветы, мяту и лекарственные травы. Оливковое масло составляло основу питания большинства населения. Масло первого отжима шло в пищу, для ритуалов и обработки мрамора статуй, для живописи, лекарств и притираний. Второй отжим шёл в пищу рабам, а третий – на светильники. Так же, как и вино, масло имело различные сорта и виды. В Афинах победителям соревнований вручали дорогие расписные сосуды с вином и маслом баснословной стоимости.

С хлебными изделиями часто подавали различные виды гарнира: редиску, капусту, лук, чечевицу, сладкий горох, нут, конские бобы, репу и др. Такой гарнир имел консистенцию супа или каши. В него добавляли оливковое масло, уксус, травы или рыбный соус. Вообще бобовые при малой доступности мяса играли роль основного источника белка. Бедняки питались дубовыми желудями и плодами букowego дерева. В городах свежие овощи стоили дорого, поэтому бедным горожанам приходилось довольствоваться лишь сушёными овощами. Суп из чечевицы был традиционным блю-

дом рабочих.

Казалось бы, при таком достаточно богатом выборе продуктов, блюда готовились достаточно просто, незатейливо: овощи отваривали в воде, запекали на углях, либо же употребляли в сыром виде. Скукотища. Никакого полёта фантазии. И даже фрукты свежие и сухие, подавали к столу как десерты. Преобладали яблоки, груши, гранат, сливы, миндаль, смоква и фиги, при чём последние запрещалось вывозить за пределы Афин. Наиболее распространёнными из них были финики и изюм.

– Блинчики с творогом и изюмом, – тихо перечисляла я, идя по коридору, – на первое чечевичный суп, но с кучей овощей, которые я предварительно обжарю на масле, так здесь не делают, то есть точно удивлю, и на второе шашлыки. Как я хочу шашлык! – представив мясо, пахнущее дымком, истекающее ароматным соком, чуть не захлебнулась собственной слюной.

Кухня оказалась в самом дальнем помещении гинекеи. Там меня уже ждали Майя и Асэ.

– Ну что же, дорогие мои! – провозгласила я, врываясь внутрь. – Нас ждут великие кулинарные подвиги!

Интерлюдия

– Они пришли за мной. Ты должен уйти, – шептала женщина, проводя тонкой ладонью по лицу любимого.

– Я не могу оставить тебя здесь! – едва сдерживаясь, что-

бы не закричать от отчаяния, тихо ответил он.

– Мы сбежали из горы Ликавит, и спрятались здесь, но они всё равно нас нашли.

– Медуса, – прошептал мужчина и, найдя на ощупь её руку, нежно погладил, – мы всё преодолеем! Я обещаю тебе! Они не получают твою голову, они не получают ни капли твоей драгоценной крови.

Женщина, устало вздохнув, посмотрела на возлюбленного, что глядел на неё тёмными провалами вместо глаз. Ей повезло встретить Эола на своём пути. Ему было совсем не важно, как она выглядела и что из себя представляла, её проклятие не имело для него никакого значения. Он любил её просто, как женщину, беззащитную и хрупкую.

– Я буду с тобой. Жизнь отдам, защищая тебя! И ты меня не переубедишь! – твёрдо сказал Эол, сжав ладонь Медусы.

Глава 2

Интерлюдия

Эол бежал, крепко прижимая к груди любимую женщину, его туника промокла от крови. Змеи, что были вместо волос Медусы, повисли, не подавая признаков жизни.

– Терпи, любимая, терпи, я чувствую, нам помогут, – горячечно шептал он, мчась по тёмным улочкам Спарты.

Обладая только первым дором предчувствия, Эол полностью доверился ему. Оно было слабо, но тонкая ниточка серебрилась у него перед мысленным взором, не давая сбиться с пути.

Глаз у него давно не было, он привык передвигаться на ощущениях, и очень осторожно. Но сейчас, отринув всякие страхи врезаться в каменную стену или дерево, даже не боясь споткнуться о камень, Эол двигался легко, непрерывно.

– Я чувствую, мы близко.

Мужчина замер у одного из многочисленных домов, он не видел, как выглядит здание, но чувствовал, что там за забором есть человек, способный помочь. Не думая долго, Эол вернул съехавший капюшон на голову Медусы и, сжав ладонь в крепкий кулак, со всей силы треснул им по двери.

И продолжал тарабанить до тех пор, пока ему не открыли.

– Кто вы? Ого! – Эол почувствовал дуновение ветра от

резко распахнувшейся двери и даже взгляд, которым на него уставились, ощутил. – Эт-то... О Боги!

– Помогите! – прохрипел Эол, держась на ногах на голом упрямстве. – Здесь есть целитель, я знаю это. Позовите его! Прошу вас... Умоляю!

– Что такое? – раздался ещё один голос, на этот раз женский.

– Госпожа Агата, тут вот как бы... просят к госпоже гиатрос Аглае... или господину гиатросу Иринеосу...

Эол, услышав "гиатрос", воспрял духом – он не ошибся! Он оказался прав! Их здесь аж целых двое!

– Кто вы? – строго произнесли женским голосом.

– Моя жена умирает. Меня зовут Эол и я пришёл молить вас о помощи, – быстро повторил он ранее сказанное и даже попытался неуклюже поклониться.

– Проходите, – раздалось через пару секунд томительного молчания.

– Асэ! – крикнула эта же женщина. – Срочно зови госпожу гиатрос Аглаю и господина гиатроса Иринеоса.

Аглая

Я уже собиралась лечь спать (вот только всё никак не получалось сомкнуть глаз, тревога снадала), когда меня срочно позвали в операционную.

Сегодня Гер также задержался допоздна у наварха Лисандра и мы снова отложили разговор о свадьбе. Хотели про-

вести её через пару суток после приезда, но прошла уже неделя и всё никак. Лисанд явно узнал кто теперь под его началом и выжимал из моего жениха все соки. А сегодня ночью (буквально вырвала правду у Геракла) отряд во главе с полемархом Алкеем Арисом будет зачищать восточную часть Спарты от шпионов и опасных элементов.

Накинув рабочую тунику, убрала волосы под платок и помчалась по сонным коридорам дома в сторону приёмной, а оттуда уже ворвалась в операционный кабинет.

– Аглая! – воскликнул гиатрос Иринеос, забыв о всяких "госпожа", "гиатрос" и так далее. – У нас непростой случай!

Иринеос уже был одет в халат и половину его лица скрывала маска.

– Сейчас, – мельком кинув взгляд на лежавшее неподвижно тело на кушетке, рванула к приготовленным для меня вещам: халат и маска. Затем быстро помыла руки в тазу с чистой водой, обработала вином и только потом подошла к больному.

– Итак, кто у нас тут... – по мере приближения к пациенту я растеряла все слова и мысли. Замерла.

– Вот это да! – сипло вырвалось у меня, – это же...

– Медуса Горгона, – представил её гиатрос Иринеос. – И она умирает от раны.

После его слов я встряхнулась. Неважно, кто передо мной, важно, что нужно помочь.

– Я уже остановил кровь, зарастил самые страшные по-

вреждения, – продолжал говорить Иринеос, – но она не просыпается.

– Сейчас, – выдохнула я, вставая рядом с кушеткой.

Девушка по имени Медуса была прекрасна. Тонкие, аристократические черты лица, белоснежная кожа.

Из облика обычной женщины выбивались только волосы, точнее тонкие невероятно чёрные (вообще чёрный это и так чёрный, но здесь иное), блестящие в свете зажжённых многочисленных масляных светильников змеи.

Они едва заметно шевелились, но глаза их были закрыты.

– Змеи спят, – снова заговорил гиатрос Иринеос, – я их первым делом отправил в сон. И надо ещё глаза завязать Медусе, совсем запамятовал, – вдруг засуетился он.

Но я подняла руку, останавливая его:

– Не нужно.

– Что ты хочешь сделать? – спросил гиатрос Иринеос.

– Я буду её лечить.

На мои слова гиатрос Иринеос ничего не сказал, молча сделал шаг назад и замолчал.

Я же, не теряя драгоценного времени, подошла к женщине. Во всех мифах, что я читала и даже в фильмах Медузу Горгону ненавидели и боялись. Её всегда олицетворяли самой жуткой из тварей женского пола. Но сейчас, глядя на беззащитную женщину, я решила попробовать снять с неё это проклятие.

Неожиданно пришедшая в голову мысль, помогла со-

браться с духом и наметить план работы.

Что я знаю о генной терапии? Много и мало одновременно.

Теория и практика иногда сильно разные вещи.

Поликсена прошла через мой эксперимент вполне удачно.

Но ведь Медуса...

– Она ведь не родилась такой, нет? – вслух уточнила я, мало ли, здесь всё отличается от привычного мне земного уклада.

– Нет, её прокляла Богиня Афина за осквернение её храма. Там Медусу изнасиловал Бог Посейдон.

– Что за?!... – воскликнула я, – ей причинили зло и её же наказали?!

Во мне поднялась такая волна гнева, что ладони окутал голубоватый свет.

Гиатрос Иринеос конечно же это заметил, вылупился на меня, и, раскрыв рот, замолчал. Тааак, кажется мне не дожидаться от него ответа.

Вернула взгляд на девушку и задумалась.

Генная терапия – это лечение наследственных, мультифакториальных и ненаследственных (инфекционных, злокачественных и др.) заболеваний путем введения генов в соматические клетки пациентов с целью направленного изменения генных дефектов или придания клеткам новых свойств.

Смогу ли я проделать это? Я вмешиваюсь в такие процессы организма, что предугадать результат не сможет никто. Даже

местные боги.

Но оставить всё вот так – я не могу. А для начала спросим саму Медусу.

Положив руки на её грудь и осторожно на "волосы" (они оказались холодными и пугающе "опасными"), и начала искать причину, почему женщина не просыпается.

Причина была простая, но возможно Иринеос просто не знал, как это "починить" или не обратил на проблему внимания. Нужно будет потом с ним этот момент обсудить.

У Медусы упало систолическое давление на фоне большой потери крови, головной мозг испытал выраженную гипоксию, и девушка впала в кому.

Я сняла гипоксию головного мозга за счёт нормализации мозгового кровотока и насытила кровь больной кислородом.

– Сделано, – прошептала я, убирая руки. И делая шаг назад.

– Не смотрите ей в глаза, – тихо предупредил меня гиатрос Иринеос, отступая в дальний угол и отворачиваясь лицом к стене.

А я смотрела на молочно-белую кожу лица и, как только ресницы Медусы затрепетали, а змеи тихо, но грозно зашипели, быстро плотно сомкнула веки.

Через пару мгновений послышался шорох: молодая женщина явно проснулась и зашевелилась.

– Где я? – вдруг спросила она низким с хрипотцой голосом. – Где мой Эол?! – второй вопрос последовал тут же.

– Успокойтесь, – попросила я, поднимая руки. А кто такой Эол мне и самой хотелось бы знать, но ответил гиатрос Иринеос:

– Он ждёт вас в перистиле. Я залечил его раны, не переживайте, – судя по гнусавости и глухости, старый лекарь всё ещё стоял лицом к стене.

– Так он принёс меня в Спарту, к гиатросам? – догадалась Медуза Горгона. – Спасибо вам за помощь! – воскликнула она и я на слух поняла, что женщина спустилась с кушетки на пол. – Нам пора. Вашу доброту я не забуду. Сейчас сцежу свою кровь вон в тот кувшин. Она поможет при самых смертельных ранах. А точнее: если смертный шагнул за грань и сердце его перестало биться, то в этом случае даже гиатрос с Великим доро ничем не сможет помочь, то моя кровь спасёт. Найдёт душу и вернёт обратно в тело.

Она говорила, а я слушала: шлепки босых ног по каменному полу – точно подошла к столу, потом тихий болезненный вздох и стук глиняный миски о стол.

– Моя вам благодарность, – завершила она свою речь, а я отмерла. Чего это вдруг застыла?

– Простите, госпожа Медуса, – подала я голос, – хотела вам кое-что предложить.

Шаги остановились. Секунда тишины.

– Что именно? – спросила пациентка.

– Хочу предложить вам свои услуги в качестве гиатроса с третьим доро. У меня есть теория, и если вы позволите про-

вести лечение над вами, то, возможно, я смогу вернуть вам человеческую ипостась.

Как она оказалась так быстро рядом со мной?! Мои плечи вдруг сжали каменные пальцы гостыи из мифов.

– Что вы только что сказали, гиатрос...

– Аглая, – ответила я, стараясь не морщиться от боли.

– Гиатрос Аглая!

– Я хочу попробовать сделать вас женщиной. Самой простой. Как я.

– Вы не простая, – было мне ответом. Дыхание Медусы обдувало моё лицо, девушка была сильно взволнована. – Я могу умереть?

– Нет. Но ваша внешность наверняка станет иной. Вполне может статься, что такой красивой, как сейчас вы перестанете быть...

– Да что мне эта красота, когда на неё никто не может полюбоваться? – горько хохотнула она. – Я согласна. Мне только нужно поговорить с Эолом. Подождите меня, я скоро вернусь.

Медуса вышла, тихо хлопнув дверью, и я, облегчённо выдохнув распахнула глаза. Гиатрос Иринеос уже обернулся и смотрел на меня многозначительным взглядом.

– Ты мне всё расскажешь, – вдруг сказал он.

– Конечно, гиатрос Иринеос. У меня от вас тайн нет.

– Ага-ага, – хмыкнул он и улыбнулся. – Давай глаза завяжем. А то забудемся и откроем в ненужный момент.

– Хорошая мысль, – согласилась я и взяла "бинт", чтобы им прикрыть верхнюю часть лица.

Лечение Медузы Горгоны заняло у меня более двух недель. Процесс изменения генов оказался очень сложным. Он забирал у меня все силы, пару часов работы – и я выжата, как лимон.

С Гераклом виделась очень редко, он приходил ко мне рано утром, мы беседовали за завтраком, и будущий муж уходил по своим загадочным, наверняка весьма опасным делам.

– Готова? – спросила я Медусу, возвращаясь мыслями в настоящее. Передо мной сидела прекрасная женщина со светлыми волосами. Золотистыми гладкими и на ощупь нежными, как шёлк. Медуса попросила меня сделать её блондинкой, сначала она уточнила возможно ли такое, но раз уж я вмешалась в такие тонкие материи, то не стала ей говорить категорическое "нет", и начала эксперименты. Вышло очень хорошо. Змеи погибли, я их срезала скальпелем, Медуса стала совершенно лысой, но тот период не продлился слишком долго. И сейчас короткая стрижка вполне красиво смотрелась на аккуратной голове.

– Волосы отрастут, и станешь ещё краше, – улыбнулась я, подавая пациентке начищенный медный поднос. Руки до создания зеркала у меня пока не дошли.

До этого молодая женщина не видела себя в отражении. Она, конечно, трогала голову руками, и вот уже три дня как, смотрела в глаза жителям поместья, без страха превратить

их в камень.

Трясушимися руками Медуса приняла поднос и медленно поднесла к лицу.

– О Боги! – тихо вырвалось у неё. Слёзы градом потекли из прекрасных голубых глаз потекли крупные слёзы. – Аглая, – выдохнула в итоге и кинулась меня обнимать.

Стук в дверь прервал наши радостные возгласы.

– Можно? – раздалось с той стороны. Эол терпеливо ждал всё время лечения Медусы. Ему было запрещено с ней встречаться, потому что мужчина и сам восстанавливался у гиатроса Иринеоса – ему возвращали органы зрения.

Да, Эолу я вернула глаза, запустила регенерацию и объяснила все принципы Иринеосу. Старый лекарь был в шоке и в диком восторге. Он ходил за мной пуше прежнего, чуть ли не заглядывал в рот, даже когда я ела, и требовал знаний.

– Да, господин Эол, – улыбаясь, я подошла к двери и распахнула створку, – проходите.

Возлюбленный Медусы пока ещё не очень чётко видел (Иринеос обещал, что ещё неделя и зрение полностью восстановится), но уже достаточно, чтобы уверенно войти в комнату и остановиться в полном потрясении.

– Милая... Медуса... ты ли это?!

– Дорогой! – вскричала она и кинулась к нему на шею, а я, чтобы не смущать парочку, и не смущаться самой, тихо покинула помещение, оставив их наедине.

– Всё ждал, когда ты выйдешь, – раздалось сбоку от двери.

Геракл стоял, прислонившись мощным плечом к стене и заинтересованно смотрел на меня. В глазах его плясали весёлые искорки.

– Спасла Медузу Горгону? – правая бровь любимого чуть выгнулась, придавая его лицу ещё большее озорство. – Иди ко мне, – прошептал он, распахивая объятия.

– Помогла, – ответила я, делая шаг к нему и утопая в кольце сильных рук. – Просто помогла.

– Ну да, конечно, – хмыкнули мне в волосы. – Ты всегда будешь спасать всех подряд?

– Да, – просто ответила я, вдыхая запах родного человека.

– Пойдём?

– Пойдём, – не думая, согласилась я.

– Даже не спросишь куда?

– Нет. А вообще-то да, куда?

Геракл, откинув голову, рассмеялся.

– В храм. Нам пора стать мужем и женой.

Глава 3

Храм представлял собой монолитное высотное здание в три этажа. Светлые каменные стены отражали солнечный свет и казалось, что от строения исходит лёгкое сияние.

– Как красиво! – восхитилась я, замирая у подножия широкой лестницы. Гер держал меня за руку, переплетя свои пальцы с моими, а я не могла насмотреться. В этой части города мне ещё не приходилось бывать, впрочем, я всё своё время проводила в доме полемарха и занималась его благоустройством.

– А как же все те обряды, что предшествуют бракосочетанию в Греции? Мы их пропустим? Я спрашивала о них, и, как оказалось, местные вступают в брак в основном зимой в честь божества брака – это либо Гера, либо Гименей. В течение месяца ему (божеству) также нужно приносить особые жертвы. Ряд церемоний окружает передачу невесты из дома ее отца в дом ее нового мужа. По идее я должна была ещё принять брачную ванну, – не удержалась от улыбки я, – ведь эта ванна символизирует как очищение, так и плодородие. Затем жених и невеста должны сделать подношение в храме, чтобы обеспечить плодотворную будущую жизнь. И у меня нет фаты, ведь анакауптерия (*прим. автора: снятие фаты*) – символ передачи невесты в семью супруга.

– Не беспокойся обо всём этом, – Гер посмотрел мне в глаза и подмигнул, – ни у меня, ни у тебя здесь нет родных. В этом случае всё гораздо проще, а что касается жертвоприношений Гере или Гименею и брачной ванны, то за это не стоит даже переживать. Они поймут, а жертвоприношение я уже совершил.

– А...

– Фата вот, – из перемётной сумы, что была перекинута через его правое плечо, Алкей-Геракл достал светлую кружевную ткань (и где только такую достал?), – этот момент я предусмотрел.

– Какой ты, однако, – подвигала я бровями, смех будущего мужа согрел душу.

– Накинь, как войдём под своды храма, – продолжая улыбаться, подсказал он мне.

– А почему мы друзей не позвали? – задала я вопрос.

– Зачем? Отметим потом дома в тесном кругу, там уже всё готовят.

– Говорю же, – теперь я подмигнула ему, – мой будущий муж оказался весьма предусмотрительной личностью.

– А то! – сверкнув белоснежными зубами, он подал мне руку и мы пошли по ступеням вверх.

Стоило нам подняться к главному входу в святилище, как двери распахнулись и нам навстречу вышел жрец в светло-голубых одеждах и странным венком на голове.

– Господин, всё готово, – поклонился он Гераклу и отсту-

пил в сторону, приглашающе поведя рукой.

Внутри храм впечатлял размерами: широкие проходы, внушительных размеров белоснежные колонны, лепнина на потолке и на стенах. Красиво. Возвышенно. Здесь даже дышалось чуть иначе, чем снаружи.

Пылинки мерцали и кружились в затейливом танце в лучах солнца, проникающих через узкие бойницы; у каждой из шести колонн стояло по жрецу с возвышенными выражениями на лицах.

Алтарь находился у противоположной от входа стены. Перед камнем со статуей бога стоял невысокого роста мужчина в белом балахоне.

Я быстро накинула на голову фату так, чтобы полностью прикрыть лицо.

Снова взяла Геракла под руку и мы неспешно пошли к главному жрецу храма.

– Под сводами священного храма Бога нашего, светлого Гименя, соединяю ваши судьбы в одну.

Геракл повернулся ко мне и откинул фату, открывая моё лицо.

– Пусть небесная звезда плодородия осветит ваши жизни счастьем и достатком. Нарекаю вас отныне и вовеки мужем и женой!

Гер наклонился ко мне и едва уловимо поцеловал в лоб. Затем нам подали два золотых тонких браслета, один из них, тот что был поменьше, Гер надел мне на правое предплечье,

с его брачным украшением я поступила точно также. Золото красиво сочеталось с его бронзовой, загорелой кожей.

От нас не требовалось никаких слов, клятв и речей, но всё, что мне хотел сказать Алкей-Геракл я видела в его бездонных карих глазах.

Я любима этим великолепным мужчиной. И также отчаянно сильно люблю его.

Вернувшись в поместье, несказанно удивилась, несмотря на предупреждение, что застолье готовят, не ожидала его размаха. И того количества людей, что были приглашены на пир.

Во всём этом действе странным для меня было всё: и то, что женщины сидят в одном помещении с мужчинами, правда, отдельно от них; и то, что им не позволено даже крошку в рот положить, пока мужчины не насытятся. И то, что даже разговаривать нам можно едва слышно, а лучше вообще хранить молчание.

Я, естественно, тоже была среди дам, и также, как они, наблюдала за пиршеством сильных мира сего. И тихо злилась. Успокаивали только частые взгляды Геракла в мою сторону, он словно подбадривал меня, а ещё в глубине его глаз я читала невероятное желание...

Посему мне пришлось безропотно вытерпеть это традиционное в местном обществе свадебное застолье, при другом раскладе плюнула бы на всё и нормально поела, и пусть думают, что хотят.

Момент, когда мы наконец-то остались наедине, всё же наступил.

– Я думала мужчины никогда не закончат есть, – всё же не выдержала я и зло высказалась.

– Таковы традиции, – успокаивающе ответил Гер, – но ведь пир уже прошёл, забудь.

Они прижал меня к себе и нежно поцеловал.

– Нас ждёт гораздо более интересное занятие...

А вот с этим спорить я не могла, да и не хотела.

Сильные пальцы мужа медленно спустили с моих плеч лёгкую тунику, обнажая моё тело перед его жадным, горящим страстью взглядом...

Интерлюдия

Неделю спустя

Медуса стояла у каменного фонтана и, держа в правой руке небольшое медное зеркало, гляделась в своё отражение. Она всё ещё не могла поверить в то, что с ней произошло нечто настолько невероятное. Раннее утро бодрило, во внутреннем дворике дома полмарха Алкея Ариса ещё никого не было. Женщина всё ещё опасалась встречаться с жителями дома, неосознанно боясь превратить их в камень.

Проведя тонким указательным пальцем по нежной коже щеки, взгляделась в невероятно голубые глаза, провела пятернёй по распущенным светлым волосам.

– О Боги! – прошептала она беззвучно, – как такое воз-

можно?

– Невозможное оказывается осуществимо, если верить в лучшее, – раздался позади чей-то мягкий голос. Медуса замерла, опасаясь повернуться, а потом вспомнила, что уже не опасна ни для кого на этом свете.

– Аглая! – медленно повернув голову, она встретилась с искрящимися весельем ярко-зелёными очами целительницы. – Ещё ведь совсем рано, почему не спишь?

– Не спится, Алкей ушёл вчера вечером на какое-то опасное задание и всё ещё не вернулся, – грустно и встревоженно ответила гиатрос и, подойдя ближе, села на каменную скамью подле фонтана.

– Не волнуйся, Гер сильный и умный, всё с ним будет хорошо, – успокаивающе сказала Меди, убирая "зеркало" за пояс туники.

– Садись. Вижу, боишься? – ничего ей не ответив, заметила гиатрос Аглая.

– Да, – призналась Медуса, присаживаясь рядом с ней, – сторонюсь людей, прячусь за высокими кустами или за колоннами, редко покидаю свою комнату. Мне всё кажется, что проклятье Богини Афины может вернуться в любой момент.

– Не вернётся, – улыбаясь, покачала головой Аглая, – никогда.

– А если...

– Если богиня спустится сюда и накажет тебя лично? Пфе! – целительница не удержалась и звонко рассмеялась, –

я не верю в это. Ей и дела до тебя нет. Так что не беспокойся. А что касается "если всё же вдруг", – заметив в глазах Медусы сомнение, лекарка мгновенно посерьёзнела, – я лично не позволю ей сделать с тобой хоть что-то. Никому из дорогих и близких людей ни один бог этого мира не причинит вреда.

– У тебя всего лишь третий дор, Аглая, – уверенность лекарки позабавила Меди и девушка даже позволила себе робко улыбнуться.

– Да пусть хоть все спустятся сюда, – беспечно пожав плечами, ответила Аглая. – Я верю в свою правоту, я верю в силу этой земли. Мне не сделают ничего плохого, а если и сделают, то я им не завидую.

Медуса смотрела на девушку широко раскрытыми голубыми глазами и не верила в услышанное: как смертная может такое говорить об обитателях Олимпа.

– И что же ты им сделаешь? – не удержалась она и всё же спросила.

Аглая запрокинула голову к небу и с наслаждением зажмурилась.

– С горшка они не встанут божественного. Несколько веков, – смысл сказанного доходил до Меди несколько секунд, а потом, когда она поняла о чём ведёт речь целительница, уже не стесняясь, громко рассмеялась.

– Ну а чего, – хитро глянув на неё одним глазом, фыркнула Аглая, – они бессмертные – с этим не поспоришь, но всё же они ведь вкушают пищу, а значит опорожняются, прости

за детали, занимаются этим самым и даже рожают. Практически всё, как у людей. Так что, если я вдруг помру по их милости, то мстя моя будет страшной. Мне даже подходить к врагу не надо будет – я кину на него проклятие на расстоянии.

– Это будет не просто проклятие, – покачала головой Медди, – это будет гораздо хуже...

– Угу, особенно в свете того, что я сделаю так, что ни один гиатрос не сможет починить. Даже с Великим доро. Кроме дара исцелять, надо знать такие тонкие вещи, разбираться в них, что, думаю, они смогут помочь, и то временно.

Медуса Горгона с подобным заявлением не могла не согласиться: если гиатрос Аглая возьмётся кого-то "лечить" вот так, как сказала, то никто не сможет потом помочь.

Никто, кроме неё.

И тут она догадалась.

– Им придётся вас оживить!

По смешинкам в глазах гиатрос, Медди поняла, что мыслит в правильном направлении.

– Ладно, это всё лирика, не думаю, что богам есть до нас с тобой хоть какое-то дело. Пойдём завтракать, – Аглая легко встала со скамьи и протянула руку Горгоне, – нас ждут великие дела!

– Это какие же? – приняв помощь, молодая женщина поднялась вслед за гиатрос. Та молчала буквально пару секунд.

– Всё ок, – вдруг непонятно сказала она, на удивлённо

распахнувшиеся глаза Меди, пояснила: – я просканировала твой организм, всё работает, как часы. И никаких сбоев нет. Думаю, через дня три, вы с Эолом можете уехать к себе.

Заметив, что Медуса погрузилась в задумчивость, спросила:

– Что случилось? Говори, – настойчиво добавила Аглая, чуть нахмурившись.

– У нас нет дома, – вздохнула Горгона, Аглая погладила девушку по хрупкому плечу и вдруг предложила:

– Оставайтесь со мной, если хотите.

– А можно? – горячечно воскликнула Медуса. Она и сама хотела попроситься к Аглае, помогать при лечебнице, тем более ей нравилось помогать страждущим.

– Конечно, – удивилась Аглая, – почему бы и нет. Можешь остаться, заниматься тем, что нравится.

– Я бы хотела помогать вам лечить людей, – выпалила молодая женщина и замерла, не дыша, ожидая ответа.

– Да без проблем, – кивнула Аглая, – сегодня же тебе выдадут халат, маску и косынку. Будешь ходить в группе с моими помощниками и делать, что они велют. По оплате я подумаю, но точно не бесплатно. У Эола есть планы?

– Он хочет пойти под руку полемарха Ариса, – едва сдерживаясь, чтобы не закружиться в радостном танце, постаралась спокойно ответить Медуса.

– Не вижу препятствий, как только муж мой появится, поговорю с ним на счёт Эола. А теперь пойдём, вон уже ломаются, – кивнула Аглая на закрытые ворота, в которые кто-то

громко постучал.

Новый день, новая работа и новая жизнь.

Горгона шла за гиатрос Аглаей, отстав на один шаг и думала, что отдаст жизнь, если потребуется, но не даст эту необыкновенную женщину в обиду, и пусть Медуса стала обычной смертной, но её знаний о тех, кто наверняка захочет взглянуть на необыкновенную гиатрос поближе, хватит, чтобы защитить Аглаю Арис от всех опасностей.

Глава 4

Интерлюдия

В покоях богини Афины было светло, воздух наполнен ароматом благовоний и непередаваемой свежести.

Женщина томно возлежала на белоснежной кушетке и с удовольствием ела виноград. Крупные полупрозрачные ягоды светло-зелёного цвета переливались и так и манили опустить их в рот.

Полуприкрыв веки, Афина смотрела в распахнутое окно на голубое чистое небо. Богиня думала о жизни, размышляла...

– Афина, светлого дня тебе! – в помещение едва слышно вошла прекрасная Геба и присела на топчан напротив, потянулась к низкому столику и сорвала пару крупных ягод, – ммм, – с удовольствием зажмурилась она, раскусывая виноградину – сладкий сок тут же растёкся по языку вкусной прохладой. – Ты же знаешь, что Отец наш, Зевс, отправил Геракла на землю и сделал смертным с первым дором.

– Да? – удивлённо приподняла бровь Афина, – я не была в главном Доме, мне и у себя хорошо. Поэтому нет, я ничего об этом не знаю. Слуги и приближённые молчат.

– Ха, попробуй они рот раскрыть, когда ты им их склеила. Надеюсь, не навсегда?

– Я ещё не решила, в последнее время предпочитаю тишину. И размышления.

– Понятно, – протянула Геба и сорвала ещё одну ягоду, – вкусные они у тебя, даже вкуснее, чем на главном божественном пиршественном столе.

– А как же, всё благодаря жертвам в мою честь. И сады у меня цветут пуще главного, и плоды крупнее, да слаще. Смертные молятся на меня денно и ночью, я ведь помогаю искусствам и ремёслам; дева-воительница, покровительница городов и государств, наук и мастерства, ума, сноровки, изобретательности. Есть за что меня превозносить.

– С этим никто и не спорит, – улыбнулась Геба, – твои силы и возможности впечатляют.

– Что там на счёт Гера? – вздохнула богиня-хозяйка, принимая сидячее положение.

– В общем, он спустился на землю, к смертным. Решил объединить эллинов против персов. Ты же знаешь, между ними ни на день не прекращается противостояние, и греки проигрывают. Его этот факт очень сильно расстроил, – Афина кивала в такт словам гостьи.

– Ну так пусть и сражается, я-то тут при чём? – в голосе Афины проскользнуло недоумение.

– Я не договорила, – спокойно заметила богиня вечной юности, дочь Зевса и Геры. – И он там уже женился. На смертной.

– Что? – удивление, проявившееся на лице Афины, смело

надменно-холодное выражение с её прекрасного лица. – Ты ведь это не всерьёз? Геба, ты же сама влюблена в Геракла!

– Он считает меня только сестрой, и никак иначе, Афина! Я не знаю, что делать! Гер выбрал смертную, понимаешь?! Мне не было бы так обидно, если бы его избранницей стала богиня, но Гер выбрал простую человечку!

– погоди! – подняла ладонь богиня мудрости, – не спеши. Что за смертная? Может она какая-то особенная? У неё есть Великий доро?

– В том-то и дело, что нет! – снова вскричала Геба и в запале чувств резко вскочила на ноги.

– Вообще никакого дара? – изумилась Афина пуще прежнего, к Гераклу она относилась всегда очень лояльно. Но его выбор вогнал её в смятение.

– Третий доро есть, – скрипнув ровными жемчужными зубками, ответила юная богиня.

– Уже что-то, – чуть успокоившись, Афина медленно встала и прошла к распахнутому окну, – не переживай, она смертная, её век недолог, она рано или поздно умрёт. У тебя впереди вечность, у неё этого нет.

– Я подозреваю, что Гер захочет сделать её бессмертной!

– Бессмертной?! – оглянулась на собеседницу Афина, в её голосе было столько неподдельного ошеломления, что Геба даже порадовалась, что именно ей удалось хоть немного приподнять маску вечной невозмутимости с лица Афины.

– Да. Я не могу допустить подобного.

– Если вмешешься и Гер узнает, то не видать тебе его, как собственных ушей, – фыркнула богиня мудрости и провела тонким пальчиком по острому подбородку, о чём-то думая. – Но я чем могу тебе помочь? Дела Геракла и этой смертной никоим образом меня не касаются.

– А вот здесь ты ошибаешься, Афина, – зловеще усмехнулась Геба. – В этом мире Медузы Горгоны появляются сами, стоит Посейдону пошалить с понравившейся смертной. Наши верховные боги весьма любвеобильны, и не мне тебе об этом говорить. И твоё проклятие тут же ложится на плечи девушек.

Афина покривила губы, никому и никогда она не позволит осквернять её храмы. И вовсе неважно, что Посейдон, продолжая свои игры, переносил проклятье Афины на всех приглянувшихся ему смертных женщин. Верховный морской бог может делать, что хочет и не может быть виновен ни в чём, что касается людей.

– Мне не жаль этих женщин. Если на них пал взор Посейдона, значит, они сами виноваты: чем-то его привлекли. Но даже если бы вдруг стала жалостливее, то ничем им помочь не смогла бы. Снять проклятие не дано даже Зевсу. Отменить его (проклятие) сможет только тот, что будет открыт сердцем, чист помыслами и щедр душой. И он должен быть смертным.

Изогнув губы в зловещей улыбке, Геба тихо сказала:

– Нашёлся такой смертный... точнее смертная.

Афина резко обернулась к собеседнице. Высоко подняв брови, воскликнула:

– Ты хочешь сказать, – тихо сказала она и лицо её потемнело, – что мою волю, моё наказание, кто-то смог отменить?!

– О да, именно это я и хотела сказать, – едва сдерживая радость в голосе, постаралась спокойно ответить Геба. – Она гиатрос и жена Геракла.

Тёмная сила волной медленно расползлась с тонких красивых рук Афины по комнате, погружая помещение в полумрак. То обстоятельство, что её вечное проклятие стало преодолимо сильно ударило по самолюбию великой богини. Как такое могло произойти? Кто посмел? И её совершенно не волновало, что условия выполнены и человек оказался тем самым, избранным.

– Что предпримешь? – зная характер Афины и размер её самолюбия, тихо уточнила Геба.

Потемневшие глаза богини мудрости и войны, вдруг прояснились, она явно смогла взять себя в руки.

– Я спущусь к смертным. Хочу посмотреть на эту гиатрос. Хочу узнать, как она это сделала. А после я приму решение, – всё же не зря Афина являлась богиней мудрости.

Ответ не понравился Гебе, она рассчитывала на иное, и это было совсем не наблюдение.

– Мне нужно вместилище, – уже более деловито продолжила рассуждать Афина, возвращаясь на топчан, – тело способное выдержать мою сущность.

– И мне нужно тело. Я хочу пойти с тобой, – шагнула к ней Геба, замирая в ожидании ответа.

– Зачем? – фыркнула Афина, – я схожу одна. Если в этом мире нашлась такая сильная душа, то для начала её надо изучить. Вдруг она представляет опасность для всех нас?

– Да, да!

– Или же она может быть полезна. Всё же найдутся на Олимпе боги, которым пригодятся её способности, – ещё более задумчиво протянула Афина, острым ногтём она взрезала кожуру виноградины, светлый сок медленно потёк по её пальцам. – Убить легко, всегда успеется... А ты побудь здесь. Не стоит нам обеим ходить среди смертных.

– ... итак, они собираются напасть через три недели, – наварх Лисандр, – Алкей, необходимо продумать стратегию и отбить нашу благословенную Спарту от врага. Ожидается большая битва. Нужно, чтобы пострадало как можно меньше простых жителей.

– Сложность в том, как отличить своих от чужих, – устало проведя рукой по лицу, чтобы хоть ненадолго сбросить усталость, покачал головой Геракл, – они будут одеты в одежды и форму простых спартанцев. И я более, чем уверен: среди них точно будут коренные спартанцы, просто им (спартанцам) внушили то, что нужно персам. Возможно даже над их мыслями поработал одарённый.

– Что предлагаешь? – нахмурился Лисандр, присажива-

ьясь на широкий деревянный стул без какой-либо резьбы и обивки.

– Нужен интуит, даже с первым доро подойдёт. Пройтись ночью по городу, постучаться в каждую дверь и спросить: "как вам жизнь в Спарте и в Греции в целом?" и определить настроение проживающих в каждом доме. Так мы хотя бы приблизительно поймём, кого стоит отдать нашему Нектарию для более детального опроса.

– Найти бы ещё этого интуита, – вздохнул Лисандр, для него так же, как и для Алкея-Геракла бессонные ночи не прошли бесследно.

– Мне пора, – поднялся Гер.

– Иди, молодая жена поди ждёт тебя, не дожждётся, – многозначительно ухмыльнулся Лисандр. Наварх был крупным мужчиной лет сорока с чёрной бородой-лопатой и светло-серыми глазами. Безобразный рваный шрам, начинавшийся от правого виска, пересекал щёку и терялся где-то в растительности на подбородке. Это сильно уродовало мужчину, но он никогда не жаловался на сие обстоятельство. – Познакомишь меня с ней? На свадьбе я её видел, но поговорить так и не смог.

– Познакомлю. Приходи завтра утром.

– Жди, непременно буду. Тем более до меня уже дошли слухи о том, какая госпожа Аглая талантливая целительница.

Взгляд Гера, при одной только мысли об Аглае, потеплел. Попрощавшись с навархом Лисандром, он поспешил домой.

Его там точно ждут. И от этого обстоятельства сердце непривычно ныло и всё его существо наполнялось счастьем. Он и не знал, что любовь бывает такой сильной и яркой.

Глава 5

Интерлюдия

Афина не шла, а летела, полы её белоснежной в пол туники развевались позади, не успевая за хозяйкой. Могущественная богиня спешила к Асклепию. Двустворчатые, украшенные золотом высокие двери, медленно распахнулись, стоило богине мудрости подойти ближе.

Буквально влетев в помещение, она резко остановилась в самом его центре и осмотрелась.

Асклепий нашёлся рядом с белоснежным столом, вся поверхность которого была завалена свитками и непонятными для Афины приборами. Мужчина сосредоточенно хмурил брови, иногда зачем-то подергивая пальцами кончик внушительной бороды.

– Приветствую, прекрасная Афина! – по-доброму улыбнулся незваной гостье хозяин дома, оторвав свой ясный взор от раскрытой перед ним рукописи.

– И тебе не хворать, – тонко улыбнулась гостья, без приглашения усаживаясь на высокий топчан, – знаешь ли ты, дражайший мой племянник, что проклятье Медузы Горгоны снято?

– Конечно, – спокойно ответил Асклепий, и подхватил на руки подползшую к нему крупную змею, та, едва слышно

шипя, обвила его руку и уложила голову на правое плечо бога-целителя.

– И что скажешь? – прищурилась Афина.

– Это событие просто небывалых масштабов! Вот теперь думаю наградить гиатрос Аглаю и даровать ей Великий дар, – улыбнулся Асклепий, нежно поглаживая свою любимицу. – А вообще давно пора, чему-то подобному случиться: этот мир застрял, а ему следует двигаться вперёд!

– Твои прогрессивные взгляды никогда не нравились моему Отцу, – покачала головой богиня.

– Дед убил меня за это, потом воскресил, сделав бессмертным, – беспечно пожал плечами Асклепий, – потому что он мудр, – сделал ударение на последнем слове великий лекарь, чем несказанно задел Афины, но она, внешне оставшись совершенно бесстрастной, продолжила увещевать:

– Если смертной гиатрос удастся сдвинуть развитие этого мира с мёртвой точки в сторону прогресса, то для старых богов, всё может закончиться печально, – на вопросительный взгляд племянника, пояснила: – люди начнут забывать нас, перестанут на нас молиться и приносить жертвы. А сие значит, что пантеон снова станет терять божественные силы и нам вновь придётся искать мир, где мы будем нужны людям.

Асклепий, выслушав родственницу, печально вздохнул, опустил пригревшуюся змею в плетеную корзину и сел на стул с высокой спинкой; посмотрев на свои сандалии, наклонился, поправил сползший ремешок, и заговорил:

– Афина, а не приходила ли в твою светлую голову мысль, что талантливая гиатрос пришла в этот мир не просто так, – целитель резко вскинул голову и успел заметить ошеломление, мелькнувшее на прекрасном лице старшей богини. – Так вот, я считаю, что далеко не просто так. Силы, гораздо могущественнее нас всех вместе взятых, проделали всё это.

– Ты хочешь сказать, что её душу притянуло сюда... и это сделал кто-то или что-то...

– Вот именно, – довольно заулыбался, как кот объевшийся сметаны, бог врачевания, – Медуза Горгона и в моей судьбе, кстати, сыграла не последнюю роль.

– Да, я помню, – задумчиво кивнула Афина, – её кровь оживляет перешедших грань.

– Ну, не всех, но в основном да, – вздохнул Асклепий и перевёл взор на распахнутое окно, откуда в помещение задувал свежий, наполненный влагой, воздух. – И вот, что я хочу у тебя спросить, – вернулся он к теме обсуждения, – ты хочешь вмешаться и попробовать уничтожить потенциальную угрозу в виде этой загадочной гиатрос, или же стать частью грядущих перемен?

Асклепий заметил с каким интересом к его словам прислушалась богиня-воительница и выпустил последний козырь:

– Если мы поможем развитию местного общества, объединим наши немалые силы в этом направлении, и люди будут знать об этом и с нашими именами на устах творить что-то

новое, то нас не забудут, более того, нас полюбят по-настоящему.

Заронив свои мысли в благодатную почву, Асклепий поднялся на ноги, отряхнул невидимые пылинки и поправил несуществующие складки на своей белоснежной тунике.

– Я всё же спущусь к смертным, – через минуту молчания, заговорила Афина, встав следом за племянником, – хочу посмотреть на гиаатрос Аглаю своими глазами. Измерить её возможности.

– И мне бы очень хотелось с ней познакомиться лично, – довольно заулыбался бог-целитель в свою густую кучерявую бороду, – я уже видел её у моего алтаря в центральном афинском асклепионе. Аглае было видение. Но я так и не смог узнать, что ей привиделось, к сожалению.

Богиня мудрости, многозначительно вскинув тонкие, идеальной формы брови, не преминула напомнить :

– Какой любопытный, некоторые вещи неподвластны даже богам, и видения входят в этот список. Ну, а раз ты так много знаешь, то наверняка в курсе, что Гер женился на ней.

– Вот как? – слегка удивлённо воскликнул Асклепий. – Нет, на её любовные дела мне не было никакого дела, я больше восхищён её методами лечения.

– Понятно, – покачала головой Афина, – ты фанатик и ничего кроме интересующих тебя тем, не замечаешь.

– Что есть, – развёл руками бог-целитель, – а Гераклу я уже спасал один раз жизнь. Надеюсь, не придётся снова. Зевс

мне не простит потери любимого сына.

В комнате ненадолго воцарилась тишина.

– Пожалуй, мне пора, – словно придя к какому-то окончательному решению, вдруг сказала Афина, после кинула взор на безоблачное небо за окном, и тихо добавила, – ты мне дал пищу для размышлений. Благодарю.

Афина внимательно смотрела на прозрачный шар, в котором мелькали тени, она выбирала вместилище, способное выдержать её божественную сущность и при этом не сильно пострадать.

– Вот эта? – тихо пробормотала она, и ткнула пальчиком в понравившийся "сосуд". – Молодая, сильная, но мысли ребёнка? Умственно отсталая хмм, почему бы и нет, отличный вариант. Эта смертная даже и не поймёт ничего. Идеально.

Откладывая путешествие на землю Афина не стала, выйдя из своего небесного дома, подошла к краю и, прикрыв веки, раскинула руки, чтобы тут же, легко оттолкнувшись от парашюта, упасть вниз.

Вдохнув воздух, наполненный пылью и ещё чем-то неприятно пахнущим, Афина с трудом подняла тяжёлые веки. Богиня мудрости не любила вселяться в людские тела, всё её существо сопротивлялось этому издевательствам, но иногда подобные трюки были просто необходимы, например, для получения нужной информации.

Её временное вместилище находилось в горизонтальном

положении; помещении, где ей "посчастливилось" очнуться, было погружено в полумрак, кинув взгляд на узкое окошко под самым потолком, Афина поняла, что рассвет уже близок, а её время начало свой отсчёт, следовательно, стоило поторопиться.

С тихим стоном богиня села на низком топчане, отбрасывая в сторону знавший лучшие времена ветхий плед.

Женщины, делившие комнату с ущербной, продолжали сладко спать, что было только на руку "вселенке".

Подняться на ноги оказалось непросто, но возможно. В груди Афина чувствовала лёгкое сопротивление – душа, что обитала в этом теле с момента рождения, пыталась вытолкнуть нежеланную сущность вон. Но попытки были слабы и не причиняли ей особого беспокойства.

– Тшш, – тихо шикнула она, – потерпи, девочка, я не навсегда. А если всё сложится удачно, замолвлю за тебя словечко перед Асклепием.

Откинув полог, что прикрывал вход в комнату, где обитали женщины, Афина вышла в тёмный коридор – масляная лампа в углу давно погасла и ей пришлось двигаться чуть ли не на ощупь.

Человеческое тело налагало определённые ограничения на богов, если те использовали этот метод для изучения смертных вблизи. С каждым шагом ноги слушались всё лучше, зрение прояснялось и становилось чётче, из головы уходил туман, и Афина вздохнула свободнее.

Выйти из гинекейон оказалось просто – никакой охраны или непредвиденных препятствий не возникло, девушка-сосуд для могущественной вселенки, жила в бедной семье, в которой мог быть только один раб или же это семейство и вовсе обходилась без оных.

Оказавшись в маленьком внутреннем дворике, Афина почувствовала, что душа девушки притихла и контроль над новой оболочкой теперь полностью принадлежит ей; неспешна оглядевшись, заметила узкую всю в щелях дверь, ведущую на улицу. Дом, где принимала страждущих гиаатрос Аглая Арис, находился в центре Спарты, дойти до него с самой окраины – потратить много времени, поэтому богиня побежала, благо улочки в столь ранний час были пусты. Пустив крохи своей силы, она придала небывалое ускорение своему новому временному телу.

Свернув за очередной поворот, за которым находилось поместье полемарха Ариса, Афина резко замерла, чуть шокированная увиденным: внушительная толпа, скопившаяся подле плотно запертых ворот, могла значить только одно – ей впервые за тысячелетия бессмертного существования, придётся ждать своей очереди, чтобы познакомиться с необходимым человеком.

Глава 6

Время подходило к четырём часам дня. Но я уже чувствовала, что устала. Благо на помощь ко мне пришёл гиатрос Иринеос.

Целитель уже купил себе небольшой домик в соседнем квартале. Пенелопа уверенно взяла бразды правления в свои руки, а Иринеос отправился ко мне.

– Аглая, – заговорил он, пока мы ждали следующего пациента, – нужно купить отдельное здание и открыть там лечебницу. Не дело работать и принимать больных в доме, где живёшь.

– Да, – вздохнула я, присаживаясь на стул, – так и сделаю в ближайшем будущем.

– А твои ученики молодцы, – вдруг похвалил старый целитель мои помощников, – допускают к нам только тех, кому сами помочь не в состоянии. Стараются лечить не магией, а травами, мелкими операциями, это хороший путь к познанию.

– Они старательные, – гордо согласилась я, – далеко пойдут. Леон и Онез уже близки ко второму доро.

– Хорошо, это очень хорошо, – покивал Иринеос. Тут в дверь постучали и внутрь заглянул Асэ.

– Госпожа гитарос Аглая, – обратился он ко мне, войдя в

помещение, – там к вам женщина... просится именно к вам. Очень настойчива.

Переглянувшись с Иринеосом, уточнила:

– Что говорят мои помощники, у неё неизлечимая хворь?

– Они не знают, – растерянно развёл руками Асэ, – говорят, что в целом женщина вполне здорова.

– Хмм, – протянула я. – Ну пусть войдёт, – пожалала плечами, – гляну.

Долго ждать пациентку не пришлось, через пару минут она уверенно вошла в смотровую и, оглядевшись, остановила взгляд пронзительно-серых глаз на мне.

– Вы гиатрос Аглая? – несколько обвиняюще спросила она, я даже почувствовала неловкость и лёгкую тень вины, вот только непонятно откуда такие ощущения взялись? – Ваша очередь просто верх издевательства!

– Добрый день, да, гиатрос Аглая это я, – спокойно ответила я, разглядывая гостью. – А очередь – моя каждодневная рутина, с этим ничего не поделать. Я служу людям, таков мой удел.

На мои слова женщина лишь плотнее сомкнула губы, превратив их в тонкую нить.

Рост молодой женщины около метра пятидесяти, выглядела она лет на восемнадцать, чистая кожа, некрасивые черты лица, выпирающие крупные кривые передние зубы, маленькие глубоко посаженные глаза, большой чуть сплюснутый нос; преобладание верхней части туловища, широкие

плечи, узкий таз, укороченные нижние конечности, конституция близка к мужской. Не самая приятная внешность, но я никогда не судила людей только по ней.

Но всё же, что-то в её облике было сильно не так. Обратила внимание и на то, как девушка двигалась – чуть рвано, словно она долго находилась без движения и теперь заново учится ходить и вообще управлять телом. Одета в старую заношенную тунику. На ногах никакой обуви.

– Понятно. Не будем тратить время впустую. Обследуйте меня.

О как! Обследуйте... и ведь сказано-то как уверенно. Слово, которое в ходу только среди моих помощников, употреблено уверенно, без запинки. Кто же она?

– Конечно, присаживайтесь, – улыбнулась я благожелательно, – мои услуги стоят недёшево, у вас есть, чем заплатить? – спросила я, следя как она с помощью Меди садится на кушетку.

– Конечно, – высокомерно фыркнула она. – И пусть мужчины покинут смотровую.

Всё страньше и страньше...

Явно из бедняков, имеет оболы, свободно командует, словно привыкла к этому и люди, что интересно спокойно подчиняются.

Медуза, прежде чем выйти, остановилась у двери и сделала мне руками какие-то странные пассы руками, тыча в потолок и потом в необычную пациентку.

– Вы будете меня осматривать? – напомнила о себе гостья и я перевела взгляд на её полное нетерпения лицо.

– Лягте, – попросила я её, а сама подошла к рукомойнику, чтобы помыть руки. – Какие у вас жалобы? – деловито поинтересовалась я, уже догадываясь кто явился ко мне на приём.

– Голова разболелась сегодня, мочи нет терпеть, – последовал ровный ответ.

Вытерев руки насухо, подошла к молодой гречанке.

– Так, я сначала осмотрю вас без применения своего дара, – предупредила я её. Молодая женщина внимательно на меня посмотрела, и просто кивнула, соглашаясь.

Внешний осмотр сразу же выявил странности, некоторые из которых мне резко не понравилась: первая – шея девушки была слишком короткой с избыточной кожей на заднебоковой поверхности, вторя – вальгусные локтевые суставы и третья – недоразвитая грудь.

Таак.

– Прикройте глаза, расслабьтесь и ничего не бойтесь, – попросила я её, и как только она послушно сомкнула веки, положила одну руку ей на лоб, другую на центр груди.

Хмм... интересно, очень интересно. В целом организм был здоров, органы работали, как надо, вот только стоило мне перейти на другой уровень обследования, как я нашла то, о чём уже догадалась: моносомию X-хромосомы.

В этом теле была только одна х хромосома, а в норме их должно быть две: одна от отца, другая от матери.

– Во время мейоза неправильно поделилась яйцеклетка, – убрав ладони, сказала я женщине, встречаясь с её умными серыми глазами, – как результат – отсутствие х-хромосомы. Когда произошло оплодотворение в половой клетке находилась только одна отцовская х-хромосома. Это называется синдром Шерешевского-Тернера.

– Это лечится? – садясь, деловито уточнила она, впрочем в её голосе сквозила неприкрытая фальшь, ей явно было всё равно, вылечится ли эта девушка или так и останется умственно-отсталой.

– Нет, это не лечится. Традиционным способом однозначно не помочь. Зачем вы спустились с Олимпа? – резко сменила тему я, вглядываясь в небожительницу, вселившуюся в тело смертной.

Медуза рассказала, что иногда, очень редко, боги спускаются к смертным, занимают какое-нибудь человеческое тело и живут среди людей, слушают их, изучают. Только вот после того, как божество покинет временный сосуд, тело человека становится слабым и срок его жизни резко сокращается.

– Догадалась? – усмехнулась богиня. – Имя моё Афина. И мне стало известно, что ты сняла проклятье Медузы Горгоны. А это из ряда вон... Я подозреваю, что девушка, делавшая тебе недвусмысленные знаки, она и есть?

Надо же! Сама богиня мудрости, покровительница ремесленников, военной стратегии и тактики, одна из наиболее почитаемых богинь Древней Греции, лично пожаловала ко мне

на приём!

– Для меня великая честь беседовать с вами, – честно сказала я, личность, сидящая передо мной уж точно заслуживала уважения, – и да, вы правильно подозреваете, – приложив пальчик к подбородку, кивнула я. – Но вы не ответили. зачем?

– Затем, что ты можешь стать угрозой привычному ходу вещей, – скрестив руки на груди, заявила Афина, огорошив меня окончательно.

– Я просто делаю свою работу так, как умею.

– Позови Медузу Горгону, – вдруг приказала Афина, с трудом слезая с высокой кушетки. – Какое же корявое тело я выбрала, – тихо чуть брезгливо добавила она.

Меди долго искать не пришлось, она словно знала, что я за ней пошлю и находилась неподалёку от смотровой.

– Вот ты какая стала, – вытянув губы трубочкой, протянула богиня, а затем подошла ближе, и принялась рассматривать Медузу с остервенелой тщательностью: она крутила девушку, заглядывала в рот, оттягивала глаза, не слишком нежно перебрала волосы. – Как ты это сделала? – в итоге обернувшись ко мне, не сдерживая непонятного мне восторга, спросила она. – Я вижу следы магии, их осталось совсем немного, пройдёт парочка месяцев и даже их не останется и никто не сможет сказать, что Медуза была магическим существом с волшебной кровью. Ты станешь как все вокруг, полностью смертной. И я даже не уверена, что смогу запу-

стить процесс вспять.

После этого заявления Меди резко побледнела, а я недовольно нахмурившись, оттеснила Афину в сторону, встав ровно между ними. Мои действия не остались незамеченными, но богиня лишь понимающе усмехнулась, ничего на это не сказав.

– Медуза, выйди, – приказала она моей подопечной, та же посмотрела на меня и я, подмигнув, разрешила ей выйти. – Меня не особо боится, за тебя переживает, – сверля закрывшуюся дверь, усмехнулась Афина.

– У меня к тебе есть предложение, – деловито заговорила она вновь, оборачиваясь ко мне, – что ты ещё умеешь, кроме как врачевать? Кстати, Асклепий весьма доволен твоей работой, наградить желает. Но об этом он скажет тебе сам. Итак, какие знания ты ещё скрываешь, Аглая Арис?

Вздыхнув устало, подошла к маленькому столику в углу комнаты, налила воды в два бокала, один протянула Афине, другой осушила сама.

– Могу поделиться с вами рецептом создания стекла, – ответила я, утолив жажду, – а так в голову более ничего не приходит. Нужно подумать.

– Как делать стекло я знаю и сама, – фыркнула богиня. – Но напрямую передавать знания людям не могу, они должны додуматься сами, иначе принцип получения дара теряет всякий смысл. Стань посредником, – выдала она, – поделись своими знаниями с кем-нибудь и скажи, что тебе привиде-

лась во сне Богиня Афина и подсказала верное направление. Всё делай с моим именем на устах. Боги могут приходить во сне к смертным, давать им указания, расплывчатые, неточные. Ты будешь той, что с моей подсказкой поможет этому миру создать стекло и стеклянную посуду.

– Но так в Афинах уже есть те, кто делают стекло, – вздохнула я. – И в других заморских странах его тоже уже создают.

– Ничего страшного, качество этих изделий оставляет желать лучшего. Усовершенствуй технологию, создай хрусталь. Найди умельца в Спарте поделись с ним знанием, и не забудь рассказать о божественном видении в моём лице, – добавила она, заставив меня скептически хмыкнуть. – Сделаешь, как я говорю, будь уверена, встану на твою сторону и никто не посмеет тебя обижать.

– Её и так никто не посмеет тронуть, – раздался голос со стороны двери, и я радостно улыбнулась мужу, шагнув ему навстречу.

– Приветствую, Гер, – несколько не удивившись его приходу, лукаво блеснув глазами, сказала Афина. – Рада тебя видеть.

– А я вот и не знаю, рад ли я, – хмыкнул он. – Пришла угрожать моей жене? – приобняв меня за талию, через секунду отпустил и задвинул меня за свою широкую спину. Я тут же почувствовала себя в полной безопасности и даже все боги Олимпа теперь были не страшны.

– Нет, что ты! – беспечно махнула рукой женщина, – пред-

ложение делаю. Заманчивое. От такого не отказываются.

Алкей внимательно посмотрел на едва заметно улыбающуюся богиню, но в итоге кивнул:

– Мы подумаем, я сам сообщу тебе наш ответ.

– Договорились, – легко согласилась Афина. – Хорошего вам дня! – и пройдя мимо нас, не оглядываясь, вышла вон, как и не было.

– Что скажешь? – заглянув в мои глаза, спросил Геракл.

– Думаю согласиться, тем более я ничего не теряю.

– Боги коварны, – хмыкнул муж, прижимая меня к своей сильной груди и зарываясь лицом в мои волосы, – как же ты невероятно сладко пахнешь!

– Ты вернулся домой в столь ранний час. Что-то случилось? – после нескольких мгновений тишины, спросила я.

– Да и нет, – последовал неоднозначный ответ. Разжав объятия, Гер отпустил меня, сам же налил воды, залпом осушив чашу. – Эол закончил проверять жителей Спарты. Отступников и предателей нашли, но немного. Основная часть скрывается не в городе. Зато мы выяснили день нападения, – взяв меня за руки и крепко их сжав, Алкей-Геракл добавил тоном, не терпящим возражений: – Аглая, я не хочу тебя потерять, и чтобы ни случилась сегодняшней ночью, не выходи за пределы поместья, будь дома, рядом с нашими людьми.

Глава 7

– Что ты хочешь этим сказать? – вздохнула я, отодвигаясь от мужа и заглядывая в его тёплые карие глаза.

– Сегодня вечером они нападут, – терпеливо повторил он. – Персы, переодетые в спартанских воинов и в обычных жителей. Мы так и не смогли отыскать их гнездо. Их цель устранить действующую власть, занять ключевые позиции, дезориентировать людей. Посеять хаос и смуту.

Я молча смотрела на мужа. Геракла за организацию тактики обороны, за новинки в военном деле боги уже наградили вторым доро.

– Если я выиграю эту битву с минимальными потерями с нашей стороны, то получу третий доро, – словно прочитав мои мысли, вдруг сказал он.

– У меня только одна просьба – будь осторожен, – сердце неприятно ныло с того самого момента, как Афина появилась на пороге смотровой. – Не нравится мне всё то, что происходит. И мне кажется, что моё присутствие в качестве лекаря на поле брани очень желательно.

Геракл резко покачал головой:

– Нет. И слышать не хочу. Пойдёт гиагрос Иринеос и многие жрецы асклепиона с доро не ниже второго.

– Ты хочешь сказать, – у меня даже дыхание спёрло от

возмущения, – что все, кто только может, будут там, а мне ты предлагаешь трусливо отсидеться за крепкими стенами?

Алкей-Геракл устало провёл ладонью по лицу, потёр глаза и только после этого снова посмотрел на меня:

– Пойми, Аглая, – стремительный шаг в мою сторону, и я стою в кольце его рук, – твоя жизнь для меня гораздо важнее моей собственной. Ради твоей безопасности я даже готов запереть тебя в комнате и наказать страже не выпускать тебя до тех пор, пока не закончится сражение.

Я почувствовала, как моё тело сковывает холод. Мне не нравилось то, что я слышала. Мне не нравилось, что мои коллеги по ремеслу будут рисковать собой, спасая чьи-то жизни, а я проведу это время в безопасности, мне не нравилось, что кто-то, даже любимый муж, принимает за меня такие важные решения.

Впервые за долгое время я позволила чувствам прорваться наружу.

– Я пойду, – почувствовала, как руки "вспыхнули" синим пламенем, а в глазах Гера отразилось смятение и удивление. – Никто, даже ты, не вправе указывать мне, что делать.

Мой голос изменился практически до неузнаваемости. Чувства обиды и досады кипели в груди и рвались наружу.

Алкей смотрел на меня несколько секунд, не делая никаких резких движений, а потом вдруг взял и поцеловал. Чем возмутил ещё больше, но причинить ему боль позволить себе я не могла. Пришлось унять раздражение и постараться

успокоиться.

– Прости, – выдохнул Гер, делая шаг назад, а я в ужасе уставилась на его опалённые в волдырях губы и красные от моих рук следы на его руках.

– О Боже! – меня чуть тряхнуло. – Прости! – и кинулась к нему.

Усадила смеющегося мужа на кушетку и приказала:

– Не двигайся, я сейчас... вот так...

Алкею-Гераклу наверняка было больно, но ни один мускул на его лице не дрогнул, когда я трогала места ожогов, чтобы наложить обезболивающий эффект.

Прикрыв глаза, позвала свою исцеляющую силу, она послушно подчинилась мне и потекла к кончикам пальцев. Через несколько минут всё было сделано, и я глядела на едва заметные розовые участки кожи и практически здоровые губы мужа.

– Вот, через несколько часов всё окончательно исчезнет, – облегчённо выдохнула я, но не успела договорить, как мои ладони оказались в плену его рук. Геракл с нескрываемым интересом рассматривал меня, смутив невероятно.

– Прости...

– Аглая, твоя сила необычна, она не знает законов этого мира, кроме одного, который мне совсем не нравится – ты смертная и лечить сама себя не можешь. Тебе ещё не подарили Великий Доро. Но чувствую, что Асклепий сейчас обдумывает этот вариант. Он мудр и щедр. Знает, что такое

смертная жизнь и бесконечно в поисках истины. Ты настаиваешь на своей помощи сегодня? – супруг без перехода сменил тему.

– Да! – без запинки ответила я. – Обещаю на рожон не лезть.

– Ты разве умеешь? – спокойно улыбнулся Гер, покачивая головой.

– Эмм, – не нашлась, что ответить и оттого просто захлопнув рот, пожала плечами.

Смеясь, Алкей обнял меня, прижав к своей могучей груди.

– Я тебя всегда любил, – тихо шепнул он мне в ухо, – мы встречались уже... в других жизнях, но между нами всегда кто-то был, мешал, возникали непонятные непреодолимые обстоятельства.

Откинувшись в его руках, удивлённо на него уставилась, не зная, что ответить на подобное заявление.

– Судьба сводила нас, зажигая искры, а потом, жестоко хохоча, разводила в разные стороны, оставляя в моей груди кровоточащую рану. По независящим от меня причинам я не мог тебя искать, ты должна была прийти ко мне сама.

– То-то я думаю, почему такой шикарный мужчина вдруг ни с того ни с сего так быстро влюбился в меня, в обычную скромную лекарку, – беззлобно фыркнула я, обдумывая его слова. – Мне снились сны, когда я попала в этот мир, ты приходил в них ко мне, что-то говорил, но я не могла услы-

шать...

– Мы предназначенные друг другу, – вздохнул муж и быстро поцеловав меня в лоб, спустился с кушетки, – мне пора, будь с Иринеосом. Он знает куда и во сколько нужно прибыть. Я буду ждать. Всегда.

– Не говори так, – и снова эта щемящая боль в груди, – раз уж мы наконец-то вместе, я не позволю никому и ничему помешать нашему счастью.

Геракл давно ушёл, а я стояла в центре помещения и сверлила невидящим взором закрытую дверь.

Из глубокого созерцательного состояния меня вывел деловитый голос гиатроса Иринеоса:

– Аглая, господин полемарх сказал, что ты идёшь с нами.

– Да, – вынырнув из своих переживаний, ответила я, – иду. Гиатрос Иринеос, вы верите в бессмертие души?

– Что за странный вопрос? Конечно, верю, – взмахнул руками старый целитель, его пронзительные голубые глаза сверкнули догадкой. – Господин Алкей тебе что-то сказал?

– Ага, – пробормотала я, подходя к стулу, и обессиленно на него садясь. – Многое сказал и одновременно ничего. Я запуталась.

– Когда всё просто – неинтересно жить, так ведь?

– Нет. По мне лучше, когда всё чётко и понятно, и лишено флёра ненужной мистики.

– Хех, – хмыкнул друг и позвал Асэ, чтобы тот принялся за уборку в малой операционной.

– С твоим приходом в этот мир, Аглая, – сказал мне Иринос, когда мы шли по пустым коридорам дома в сторону столовой, – многое уже стало чуть иначе. Госпожа Медуса сказала, что к тебе даже богиня в гости спустилась, а это, знаешь ли, о многом говорит.

– Уж лучше бы она сидела на своём Олимпе и ела виноград, – беззлобно ответила я, заходя в помещение, где уже было всё готово для оголодавших жителей дома.

Интерлюдия

Красивая молодая женщина смотрела в полупрозрачную сферу, внутри которой клубился белый дым.

Богиня юности – Геба, водила по тонкому хрупкому стеклу пальцем, выискивая только ей известное нечто. Картинка сменялась одна за другой, пока наконец не замерла на высокой фигуре в центре площади в Спарте.

– Вот ты где, – выдохнула она тихо, жадно вглядываясь в Геракла наносящего мощный рубящий удар по не уступающему ему в стати противнику.

Провернув тяжёлый меч в кисти, явно не ощущая его тяжести, Геракл ринулся в атаку на переодетого перса.

Богиня с интересом следила за развитием поединка и даже переживала за сейчас смертного Геракла.

В искусстве ведения мечевого боя Дарий (а это именно он сейчас противостоял Гераклу) уступал Гераклу, поэтому пытался подловить своего могущественного противника раз-

личными хитрыми уловками.

Нанеся обманный удар и уведя корпус вправо, Дарий хотел было чиркнуть лезвием клинка по икрам полемарха, но Геракл всё предвидел и, подпрыгнув, нанёс диагональный верхний удар слева вниз, тот (удар) пришёлся по плечу перса и глубоко вошёл в ключицу. Дарий взвыл и свалился на землю, истекая кровью.

Геба звонко хлопнула в ладоши, радуясь победе Геракла. Но тут картинка сменилась, и она покраснела от злости: восторг затмила чёрная пелена ненависти.

Гер обнимал ту самую целительницу и нежно целовал её, словно она бесценное сокровище.

– А как же я? – прошипела Геба, в голове помутилось и она, не помня себя от злости, выбежала на балкон, одним слитным движением, запрыгнула на широкие перила, крепко зажмурила глаза и спрыгнула вниз.

Её ждало тело умирающего Дария. В тот момент богиня желала смерти предателю Геру и его возлюбленной человечки.

Оказавшись внутри израненного тела перса, Геба, грубо подавив сопротивление души хозяина тела, наконец встала на подгибающиеся ноги, огляделась, выхватила взглядом стоящую чуть в стороне от суетящихся людей парочку.

Бой Алкей-Геракл выиграл: тут и там валялись тела погибших мятежников, воины собирали их на носилки и уносили куда-то.

– Вот ты, – прошипела Геба, сверля полным ревности и ненависти взором спину лекарки. – Умри! – крик разнёсся по площади и вслед за ним меч, напитанный божественной силой, стремительно полетел в спину Аглаи.

Аглая Арис

– Аглая, – у выхода из дома меня остановила Меди, – возьми кровь Медузы Горгоны. Надеюсь, она тебе не пригодится, – в мою ладонь лёг прохладный пузырьёк с мутной жидкостью внутри.

– Спасибо, – поблагодарила я её, обнимая на прощание. – Сидите в поместье и не выходите за его пределы, хорошо? Проследи за всеми.

– Не переживай, всё сделаю. Береги себя. Ты нужна нам.

В сопровождении гиатроса Иринеоса и ещё нескольких человек охраны, среди которых была и Агата, мы, оседлав коней, помчались по пустынным улочкам города в сторону храмов, где жили стратег Спарты, наварх и главный жрец Зевса.

Гер встретил нас лично, помог мне спешиться и, взяв за руку повёл в сторону широкой лестницы.

– Вам будут приносить раненых, не выходи за стены храма, – инструктировал меня муж, нежно сжимая мои руки в своих. – Ничего не бойся.

– Хорошо, – кивнула я.

Нападающих было много. Сначала мы слышали крики,

затем вдали, среди многочисленных улочек, замелькали яркие точки горящих факелов. Бой начался где-то там на подступах, но звуки сражения всё приближались и в итоге волна мятежников вылилась на площадь, где их встретили основные силы Спарты.

Я следила за Гером так долго, как могла, но в итоге потеряла его из вида, а после и вовсе стало не до происходящего перед храмом: к нам стали поступать раненые защитники и я с головой окунулась в привычную работу. В глубине души боясь, что следующим моим пациентом окажется Гер.

– Госпожа гиатрос Аглая, – окликнули меня неизвестно сколько времени спустя, руки мои дрожали, чувствовала, что мои силы практически на исходе. – Вас зовёт господин полемарх.

– Да, сейчас, – выдохнула я, затягивая рану на животе воина.

Алкей-Геракл ждал меня у входной двери, я, выбежав наружу, кинулась в его объятия, только сейчас понимая, как волновалась и переживала за мужа.

– Ты как? Цел? – суетливо оглядев Алкея, посмотрела в его улыбающиеся глаза.

– Всё хорошо, – ответил он, нежно проведя костяшками пальцев по моей щеке. – Мы победили.

Мы застыли в объятиях друг друга, время словно остановилось, и я с удовольствием вслушалась в спокойные удары сердца любимого человека.

– ... Умри! – успела услышать я полный ненависти крик, раздавшийся откуда-то сбоку, а потом меня крутнуло в воздухе так, что в зобу дыхание спёрло, а уж сильный толчок и удар об каменную колонну и вовсе выбил дух. В глазах вспыхнули искры и меня повело. Едва удержалась на ногах.

Проморгавшись, уставилась на стоящего передо мной Геракла с точащим из центра груди мечом, тот странно мерцал, окутанный зеленоватой дымкой. Я почувствовала, как моё тело пронзила невыносимая боль. Слезы застили глаза...

– Аглая... – прохрипел Гер, тонкая струйка крови потекла из его рта и он, не выдержав боли, рухнул на колени.

Глава 8

– Гер! – мой крик разнёсся над площадью, и я кинулась к мужу, успев подхватить его за плечи и не дать удариться головой об камни. – Секунду, любимый, я сейчас... вот так, погоди...

Геракла уложила набок, так, чтобы не потревожить торчащий клинок.

– Аглая! – рядом со мной на колени опустился гиатрос Иринеос, я кинула на него мимолётный взгляд и приказала:

– Гиатрос Иринеос, резко вынимайте меч, а я запечатаю рану.

– Хорошо... раз, два, три! – и с едва слышным хеканием, целитель одним движением выдернул оружие из тела Алкея-Геракла.

Я тут же опустила мужа на спину и пустила свою магию в зияющую рану на его груди, молясь всем известным богам, чтобы помогли мне в деле исцеления любимого мужчины.

Повреждённые ткани медленно, нехотя начали восстанавливаться: прорубленные мышцы, кости, связки и сухожилия, также задетое сердце. Я спешила, выгребая остатки своей силы, морщась от физической боли – магии практически не осталось, и я не знала, как быть, хотелось выть от бессилия.

– Возьми мою, – на плечи легли ладони Иринеоса и от него

по моим рукам потекла целебная так нужная мне сила.

– Что-то не так, – прохрипела я, открывая глаза, но не отнимая рук от бездыханного тела Гера. – Я заживила все раны, ткани целы, но сердце не бьётся... не запускается.

Магия оказалась бессильна... в это я верилось с трудом, но по факту так и оказалось.

Отчаявшись, всё же решила запустить мотор в груди любимого человека по старинке.

– Проведём непрямой массажа сердца и искусственную вентиляцию легких, – решение было принято, и я тут же приступила к его осуществлению.

– Гиатрос Иринеос, нужна ваша помощь, – быстро заговорила я, – жмите ладонями вот сюда, – и показала, как именно, – пять надавливаний на грудную стенку, затем я делаю искусственное вдувание воздуха и после вы повторяете нажатия.

– Всё понятно, – кивнул он и мы приступили к работе.

Казалось, с момента ранения прошла целая вечность и я всё делаю, как в замедленной съёмке, на деле же я спешила, как могла и успевала делать одновременно несколько вещей. Вот только вся эта скорость не принесла нужного мне результата...

Слёзы текли по щекам, оставляя солёные дорожки, я сидела у бездыханного тела любимого мужчины и меня кололо от отчаяния. Сердце рвалось на части, душа ныла и болела так, что казалось я не вынесу и отправлюсь вслед за ним.

– Аглая... – меня потрясли за плечо, – гиатрос Аглая! – крикнули в ухо голосом Иринеоса, – возьми себя в руки!

... возьми...

– Кровь Медузы Горгоны, – заорала я так, что окружившие нас люди шарахнулись в сторону. – Где же бутылёк? Сумку мою несите! – крикнула я, отирая слёзы и перевела взгляд на мужа. Вот он лежит, лицо его спокойно, словно спит и вот-вот проснётся.

– Госпожа гиатрос Аглая! – воскликнул кто-то из асклепидов, помогавших нам сегодняшней ночью.

Выхватив у него из рук свою лекарскую сумку, быстро нашла заветную склянку, дрожащими руками скovyрнула крышку, та с лёгким стуком упала на камень площади и покатилась к белоснежной колонне.

– Сейчас дорогой, – присев рядом с мужем, бережно приподняла его голову и с силой разжала сомкнутые уста. Тёмная вязкая, нехорошо пахнущая жидкость, медленно потекла вниз прямо в раскрытый рот Геракла. Она словно живая упала точно между зубов.

– Давай, – молила я неизвестно какие силы, – давай же! – крикнула я и, прикрыв веки, магическим зрением проследила за происходящим внутри тела моего супруга.

Красная пелена паутиной накрыла каждый орган, а затем неспеша потянулось к сердцу и в центр лба Алкея. Никогда не видела ничего подобного. Разделившись на две части, субстанция вдруг сжала сердце Гера в тугий маленький ко-

мок, а потом расширилось практически в два раза. Во лбу же кровь Медузы ярко замерцала, тонкая нить вырвалась и улетела куда-то вверх, я даже от шока распахнула глаза и уставилась на голову любимого, но простым зрением ничего необычного разглядеть не смогла.

Огляделась, люди: воины, лекари стояли молча, боясь даже пошевелиться. Иринеос ободряюще мне улыбнулся, а я, вздохнув, снова прикрыла веки и сосредоточилась на магии, происходящей внутри тела Геракла.

Сердце уже успело принять свой обычный размер, а мерцающая нить уменьшилась и через мгновение истаяла.

Тук... тук... тук...

Кажется, стук сердца моего полемарха услышали все – люди резко нагнулись вперёд. Из рта Гера вырвался тихий вздох, с ним задышала и я, оказывается сама не заметила, что всё это время сдерживала своё дыхание.

– Ура! – крикнул Нереус, не сдержав эмоций, под руководством Гера парень возмужал, в скором будущем он обещал превратиться в отменного воина.

– Гер, любимый, – тихо прошептала я, погладив его по щеке, – ты меня слышишь?

Но муж не реагировал, быстро просканировав его тело, убедилась, что всё в порядке и организм функционирует как должно. Тогда в чём проблема? Гиатрос Иринеос тоже проверил Геракла и задумчиво протянул:

– Ничего не понимаю...

– Где он? – вскочив на ноги, я обернулась к стоящим людям. – Где тот перс, что кинул клинок в спину моего мужа?!

– Мы добились его, госпожа Аглая, – растерянно ответил Нереус, отходя в сторону и указывая на лежащее в страшной позе Дария.

Я, недолго думая, подбежала к персу и проверила пульс на его шее – мертв, и тело уже остыло.

– Переложите господина полемарха в колесницу, – услышала я распоряжение гиагроса Иринеоса, и, бросив последний взгляд на Дария, вернулась к мужу. – Нужно отвезти господина в поместье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.